

Николай Плотников, доктор философии, научный сотрудник Института философии Рурского университета (Бохум, Германия). Беседовал Иосиф Фурман

Современный студент зачастую сталкивается с весьма сомнительными теориями, которые под видом науки преподаются во многих университетах. И если в советское время главной проблемой для гуманитариев было различение и отделение науки от идеологии, то сегодня необходим качественно иной опыт критического мышления, в определенном смысле, новый опыт научного сопротивления. Об этом и о многом другом «Культиватор» поговорил с философом Николаем Плотниковым.

Николай Плотников: «Демаркация – это вопрос самоопределения»

— Николай, встает ли перед современными философами вопрос о границах философии?

— Может быть, в каких-то других науках проблема границ и решается раз и навсегда, но в рамках философии постоянно сталкиваешься с этим вопросом в силу плюралистичности самого философского дискурса. Представитель логического позитивизма, по понятным причинам, едва ли будет считать человека, работающего в традиции гегельянства, вообще принадлежащим к цеху научной философии. Это внутренняя проблема дисциплины, но не проблема демаркации философии от религии, искусства или литературы. Так что на вопрос Дильтея, является ли философия гуманитарной наукой, однозначного ответа до сих пор нет. О том, что она не является естественной наукой, вроде бы уже договорились. Но является ли гуманитарной – остается вопросом.

— Философия не является ни естественной, ни гуманитарной дисциплиной?

— В определенном смысле, да. Это какой-то другой тип научного дискурса, который не попадает в традиционное разграничение наук о природе и наук о духе. Философия занимается в том числе и науками о природе, хотя ими не занимаются традиционные гуманитарные дисциплины, искусствоведение или культурология. Философия имеет не менее интимную связь с математикой и физикой, чем с историей или филологией. Традиция герменевтической философии рассматривает философию как гуманитарную науку, но если мы говорим, что это теория познания, то должны будем сказать и то, что она является теорией познания и естественных дисциплин.

— Но мы можем сказать, где философия, а где уже профанация, лжефилософия? Или это вопрос конвенции?

— Это было бы слишком институционалистским решением, в духе Николая Решера, который на вопрос, «что такое философия», отвечает, что это то, чем занимаются философы. Границы философии внутри себя также подвижны. И это связано, не в последнюю очередь, и с вопросами функционирующего канона философского знания.

Пример исторического плана: в одном немецком словаре по исто-

рии философии мне попалась на глаза статья под названием «тайная наука». Термин «тайная наука» возник в философии эпохи Возрождения и относится к натурфилософии, отчасти – алхимии. В статье описывается возрождение натурфилософской традиции в период Нового времени. И в этом словаре, который дает, казалось бы, каноническую модель контента философского знания этого периода, отсутствует, к примеру, какое-либо упоминание о Рудольфе Штейнере. Объяснить это можно только тем, что в тот момент интеллектуального философского консенсуса ренессансный гуманизм или шеллингианство входило в канон философских текстов, а штейнерианство – нет.

Похожий пример – когда Дильтей упоминает Ницше как одного из трех выдающихся писателей своего времени, наряду с Толстым и Ибсеном. А дальше уже перечисляет философов. Он совершенно четко разводит эти фигуры. Сейчас никому не придет в голову говорить, что Ницше – не философ. Это я к тому, что границы подвижны, но это не значит, что их нет. Просто определить их раз и навсегда не представляется возможным.

— А когда лично вам пришлось впервые столкнуться с проблемой демаркации границ философии?

— Для меня в процессе обучения стояла проблема разграничения философии и идеологии. Поскольку мое обучение пришлось на ту эпоху, когда господствовало что-то вроде «научного» коммунизма, основная интрига заключалась для меня в том, чтобы разгадать, является ли данный контент философским знанием или идеологической агиткой. Мне хотелось провести разграничение между желанием убедить собеседника с помощью аргументов и стремлением повлиять на него в плане идеологического воздействия, чем как раз и отличается метод научной аргументации от пропаганды. Это разграничение идеологического и философского поля рассуждений, с которым я столкнулся в первую очередь.

— На основании чего тогдашний советский студент мог проводить разграничение идеологии и философской мысли? У вас же еще не было серьезных знаний или опыта распознавания? Какие образцы существовали для того, чтобы прорваться сквозь сети идеологии и совершить это различение?

— Это традиционные вещи. Две дисциплины – логика и история философии – были своеобразными направляющими маяками, так как все, что представляло собой всякие научные «измы», было амальгамой из элементов философии, морализаторства и идеологии. И сепарирование элементов философии и идеологии решалось с помощью ориентации на эти два направления.

Возьмите любой текст Платона или Декарта. При всей их литературности, особенно первого, вы сможете обнаружить, что представляет собой четко аргументированный философский дискурс. В предисловии к собранию сочинения Декарта В.В. Соколов разоблачал с помощью цитат из Сталина буржуазную сущность декартовского метода. Но если вы открывали текст самого Декарта, то вам сразу становилось ясно, где философский текст, а где идеологический.

— Можно ли сейчас говорить о каком-то качественном изменении проблемы границ применительно к философии?

— Сейчас ситуация усложнилась. Для меня практически не стоял вопрос демаркации философии и религиозного дискурса. Это пришлось заново осваивать и открывать позднее уже в рамках сформир-

ровавшегося поискового образа. То же самое – с отношениями философии и литературы. Эта проблема, в силу присущего советской философии сциентизма, фактически считалась маргинальной. Рассматривались философские идеи в литературе, но отрицания эвристичности рационального философского дискурса или размывания границ между философией и литературой с той остротой, как это начало происходить в 90-е годы, не было. Так же как не было проблемы разграничения философии и религии.

Современным студентам намного сложнее. Во-первых, разграничение философии и идеологии на какое-то время затихло, но теперь по каким-то косвенным признакам я замечаю, что оно вновь стало актуальным. Во-вторых, границ философии стало больше. Были признаны в качестве легитимных и независимых дискурсов литературные и религиозные, а если взять мощный тренд *cultural studies*, где ликвидируются все границы, мы совершенно точно можно утверждать, что проблема демаркации встала с новой силой. Мы можем не называть это проблемой. Но, так или иначе, это вопрос самоопределения.

— Сегодня российские студенты нередко сталкиваются с различными сомнительными доморощенными «теориями», которые им преподают в университетах под видом науки. Поскольку это происходит в государственных образовательных учреждениях, получается, что эти «теории» санкционированы научным сообществом. Какую позицию может занять студент в такой ситуации?

— Это очень злободневный вопрос. Я сейчас вспомнил, что А. Дугин является профессором МГУ... Если вернуться к вопросу институциональных границ, то существует даже не корпоративный интерес, а некая воля к самоочищению профессионального сообщества. В той мере, в которой эта воля проявляется, такие совсем уж одиозные проявления идеологического и «алхимического» направления сразу сепарируются.

В современной постсоветской ситуации произошло чудовищное размывание границ допустимого. Вместе с критериями идеологизированной советской науки и университетского знания были ликвидированы вообще всякие критерии. И получилось, что нет различий между Дугиным и любым другим теоретиком науки. Вроде как все имеют право на существование.

В этой ситуации можно только посочувствовать современным студентам, которым приходится сталкиваться с подобными проблемами. Перед ними стоит нелегкая задача самостоятельной выработки нормативных представлений о том, как нужно заниматься философией или наукой вообще.

Как я помню, в девяностые годы был совершенно чудовищный тренд «русской религиозной философии», которая тоже претендовала на статус университетской дисциплины и в итоге сейчас его получила. Хотя можно задать вопрос, как может существовать в рамках философии разграничение по этнонациональному или по национально-государственному признаку?

Возникает масса подобных вопросов: почему в рамках философского факультета институализированы какие-то направления, вроде PR? Все это прямое свидетельство того, что у философского сообщества просто отсутствует какая-либо воля к самоутверждению себя в качестве такового и к самоочищению.

— Как на Западе решается задача профессионального самоочищения?

— Помимо того, что она решается, как я описал, дискурсивным путем, она решается еще и институционально. Факультет принимает решение, кого он назначает на освободившуюся вакансию декана. Это вопрос научного консенсуса факультетской комиссии. В ситуации выбора представитель гегельянства и логического позитивизма вынуждены находить какой-то консенсус, кого приглашать в качестве коллеги на вакантную должность. В Германии конкурс на освободившееся место профессора философии – примерно 150 человек на место. Из них нужно выбрать одного. Профессора потом выбирают себе декана из действующих сотрудников факультета. Это один из базовых элементов университетской демократии. Даже ректор является выборной должностью, а не приглашается извне университета.

— Немецкие студенты каким-то образом встроены в этот демократический механизм поддержания научного качества?

— В любой комиссии, отбирающей кандидата, которую составляют четыре профессора, обязательно входит один представитель от студенчества. Это обязательное условие легальной реализации процедуры. В выборах профессора, декана, ректора всегда участвуют представители студенческого парламента.

— И этот выборный механизм действительно препятствует тому, чтобы в университетах преподавались лженаучные теории?

— Этот механизм играет роль некоего фильтра, ориентированного на актуальный консенсус относительно понимания задачи и функций философии. Но, поскольку мы имеем дело с человеческим фактором, то гарантий, конечно, здесь никаких нет. Впрочем, вот известный пример: в Германии есть довольно популярный философ Петер Слотердаjk, который весь свой «символический капитал» приобрел, выступая в прессе и на телевидении. Поскольку у него вообще нет опыта академической работы, то единственную должность, которую ему удалось получить, это должность профессора в неклассическом Университете искусств и наук. Это инновационное учреждение, которое пытается утвердиться за счет критики якобы застывшей университетской системы. Слотердаjk смог стать профессором только там. В классическом университете он не нашел поддержки, хотя есть масса профессоров, которые работают в аналогичном мыслительном русле. Медийный философ не имеет шансов получить статус профессора в университете, ему не хватит академичности.

С другой стороны, это можно воспринимать как свидетельство консервативности немецкого университета. К слову, признанный классик социологии Георг Зиммель переживал в свое время похожие проблемы с обретением официального статуса. Конечно, ему мешал и фактор антисемитизма, но ставку профессора он с большим трудом получил всего за пять лет до своей смерти, если не ошибаюсь.

— Видимо, прогнозы по поводу возможности самоочищения научного сообщества в России получаются мрачноватые?..

— Понимаете, это не вопрос политики, это невозможно сделать сверху. Нужно восстанавливать институты экспертизы и научной критики, основанные на демократичности и прозрачности. В определенном смысле их нужно заново создавать. Это не должно быть каким-то кланом, решающим проблемы закулисным способом, пусть

даже и из самых лучших побуждений. Это уже лишает ситуацию прозрачности, и тогда невозможно ничего обсуждать. За какие заслуги Дугин стал профессором? В чем его научный вклад? И что это за наука, которая признает этот вклад «научным»? Вот вопросы, которые необходимо поднимать. Что там Дугин, сам Добренников с «православной социологией» — прямое свидетельство того, что научное сообщество лишено воли решать подобные вопросы.

В этом контексте та борьба, которая была затеяна студентами на социологическом факультете, позволила создать новое поле общественной дискуссии. Пусть пока нет каких-то однозначных результатов в виде снятия или отставки, тем не менее сформировалось общественное мнение по этому вопросу. Сейчас не получилось — но это не значит, что это был неправильный путь и надо переходить на закулисные переговоры с ректором.

Будущие студенты, которые планируют поступать на этот факультет, уже имеют представление о том, что их ожидает. Прецедент публичности, который был создан, — это важный шаг, после которого невозможно делать вид, что ничего не произошло. Чем мощнее будет воздействие студентов и категоричней самоопределение профессоров (как говорится, «с кем вы, мастера культуры?»), тем скорее это позволит вытягивать дальнейшие звенья этой цепи, что, в конечном счете, неизбежно приведет к каким-то положительным изменениям.

Варвара Кобыща Социология в СМИ: скромное обаяние эксперта

Варвара Кобыща,
студентка факультета
социологии ГУ—ВШЭ

Если пытаться ответить на вопрос о границах научного знания, следуя путем социологии науки (и далее — социологии научного знания), мы довольно скоро можем прийти к выводу, что этих границ нет. Классическая позитивистская модель науки, сконструированная Робертом Мертоном, предполагает существование рациональной логики научного прогресса, которая в исключительных случаях может искажаться под воздействием социальных детерминант. В рамках этой модели аналитическое допущение о наличии границ науки фактически является гарантией существования самого научного знания как способа достижения объективной истины. Вторая волна социологии научного знания началась с отказа от этого допущения: «Может ли социология знания изучать и объяснять само содержание и сущность научного знания? — пишет Дэвид Блур. — Многие социологи полагают, что нет. <...> Я буду доказывать, что это является изменой дисциплинарной точке зрения. <...> Не существует ограничений, которые коренились бы в абсолютном или трансцендентном характере самого научного знания или специфической природе рациональности, обоснова-

¹ Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Ло-гос. 2002. №5-6. С. 162.

ния, истины или объективности»¹. Основным посылом социологов второй волны становится тезис о том, что знание социально сконструировано, что оно является результатом социального производства в той же мере, что и остальные социальные практики. Таким образом, между наукой и социальным миром, включающим в себя остальные, «не-научные» виды знания, нет и не может быть границ.

Однако с исчезновением границ исчезает и само научное знание как специфический объект. По замечанию В.С. Вахштайна, «когда мы фокусируемся на социальных формах производства, конструирования и распространения знания, само знание оказывается за скобками. В этот момент нам совершенно нечего сказать о том, например, что же в работах Дюркгейма способствовало или препятствовало его классикализации. Мы говорим о том, какую позицию он занял в политическом споре и через это указание объясняем его классичность»².

² Вахштайн В.С. Конец социологизма: перспективы социологии науки. Цит. по: www.polit.ru/lectures/2009/08/06/videoon_vahshtain.html

Поиск механизма преодоления этой проблемы приводит к тезису об автономии (суверенитету) когнитивного содержания науки и отказу от применения к нему аналитической логики социологизма (объяснять социальное социальным). Мы же, зафиксировав данную проблему и не претендуя на объяснение содержания научного знания, но оставаясь в рамках собственно социологии, попробуем посмотреть на форму существования социологического знания и его «отношений» со сферой социального.

В декабрьском номере журнала «Большой город» в рубрике «Социология» вышли две статьи, которые являются, с моей точки зрения, интересным материалом для анализа современного способа существования социологического знания. В двух этих текстах описывается «идеальное» состояние различных сфер российского общества, которые по ряду причин воспринимаются их авторами и, возможно, их читательской аудиторией как проблемные. К их числу относятся: ситуация в системе образования, интенсивность просмотра телевидения, участие в благотворительности, представления о российских мужчинах и другие. Общим мотивом данных статей является то, что, согласно им, буквально по всем указанным направлениям произошел очень быстрый сдвиг в позитивную сторону, который был зафиксирован в исследованиях различных социологических агентств. Однако в конце обоих текстов читатель обнаруживает ссылку: «Все описываемые события могли произойти, а могли и не произойти на самом деле» и попадает по ней на страницу, где ему раскрывают весь замысел данного проекта. Он заключался в следующем: «Этот номер “Большого города” — не про райскую жизнь, а про жизнь, в которой все меняется. Для этого достаточно сделать одно допущение — представить “а что если...”»³.

³ Дзядко Ф. В газетах врать не станут // Большой город. 2009. № 22.

Мы предложили людям, недовольным нынешним положением вещей — писателям, фотографам, экспертам, — сказать такое “если” и, отталкиваясь от реальности, предположить, что может измениться». Иными словами, авторы проекта попытались смоделировать явление, описанное теоремой Томаса и понятием «самосбывающегося пророчества» Мертона, тем самым